

Л. А. Ильина

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

**Феномен грамматического выделения речи
невидимого говорящего в языках Северной Азии**

Аннотация: Статья посвящена фактологической, теоретико-лингвистической и междисциплинарной аргументации существования в документированной синхронии и в недокументированной диахронии ряда языков коренных этносов Северной Азии архаичного, исчезающего и еще неизученного языкового феномена – грамматически маркированного выделения речи невидимого говорящего, то есть невидимых речевых актов. По информации, имеющейся у автора на момент подготовки статьи, языковые факты, подтверждающие существование исследуемого феномена, сохранились преимущественно в текстах традиционного фольклора самодийцев (ненцев, энцев, нганасан, селькупов) и юкагиров. Но и в этих языках такие факты ранее не выделялись и отражены в опубликованных источниках с существенно разной степенью информативности. Это обусловило логику исследования, реализованную в статье. Главной фактологической базой исследования стал языковой материал традиционного фольклора тундровых ненцев, который наиболее информативен. Результаты анализа ненецкого материала легли в основу выявления и объяснения фактов грамматического выделения невидимых речевых актов в других самодийских языках, в юкагирских языках и поиска вероятных следов аналогичных фактов в иных языках Северной Азии.

The paper deals with the factual, theoretical-linguistic and inter-disciplinary argumentation of the existence of the archaic, extinct and understudied linguistic phenomenon registered in a number of synchronically documented and diachronically non-documented languages of the North Asian indigenous ethnic languages – the grammatical marking of a non-observable speaker, i.e. non-observable speech acts. To the author's knowledge, the available linguistic facts testifying to the existence of the phenomenon in question can only be found in the Samoyedic traditional texts (Nenets, Enets, Nganasan, Selkup) and Yukagir texts. Nevertheless, these facts have never been pointed out and have been outlined in a differing degree of informativeness. This is the fact underlying the way of reasoning in this research. The materials of the study are based on the traditional Tundra Nenets folklore texts which are most informative. The analysis of the Nenets language materials has made it possible to reveal and substantiate the facts of the grammatical marking of non-observable speech acts in a number of other Samoyedic and Yukagiric languages and to trace the possible similar facts in some other languages of North Asia.

Ключевые слова: языки Северной Азии, грамматические архаизмы, маркирование невидимой речи, экстралингвистическая детерминация, внутривидовая детерминация, сенсорная эвиденциальность, оппозиция видимого и невидимого.

North Asian languages, archaic grammatical facts, non-observable speech acts marking, extra-linguistic determination, inter-structural determination, sensory evidentials, observable and non-observable opposition.

УДК 81.22

Контактная информация: Новосибирск, ул. Николаева, 8. ИФЛ СО РАН.
Тел. (383) 3302737. E-mail: sektor-tungusov@mail.ru

В произведениях традиционного фольклора коренных этносов Северной Азии, особенно в наиболее ранних документированных текстах XIX – первой половины XX в., встречаются весьма архаичные типологически сходные языковые явления, которые еще недостаточно изучены или вовсе не изучены исследователями североазиатских языков. Как правило, такие языковые архаизмы на документированных хронологических срезах этих языков уже практически не употреблялись в обыденном речевом общении, а в фольклоре воспроизводились лишь по традиции, сложившейся в отдаленном прошлом. Следовательно, они отражают не столько документированную синхронию языков Северной Азии, сколько их глубокую диахронию. Поэтому выявление и изучение этих глубоких языковых архаизмов представляется актуальным и научно значимым прежде всего для теоретической лингвистики, особенно для исследования диахронно-типологических закономерностей языковой эволюции на материале языков Северной Азии, обслуживавших в недавнем прошлом традиционные культуры древнего происхождения.

К числу глубоких языковых архаизмов, наиболее интересных в отмеченном аспекте, относится, по нашему мнению, феномен грамматического выделения цитируемой речи невидимого говорящего, то есть специального грамматикализованного маркирования таких речевых актов, которые осуществляются вне поля зрения их свидетеля и воспринимаются последним только на слух. Подчеркнем, что этот языковой феномен представляет научный интерес не только сам по себе, но еще в большей степени как надежный индикатор наличия в тех языках, где он обнаружен, грамматического противопоставления речи видимого и невидимого говорящего, то есть видимых и невидимых речевых актов.

В известной нам научной лингвистической литературе мы не встречали указаний на существование в каких-либо языках мира грамматического выделения речи невидимого говорящего. Поэтому первоочередной задачей предлагаемой статьи является фактологическое доказательство на языковом материале наличия этого феномена в ряде языков Северной Азии, а уже на этой основе ставится задача аргументировать теоретико-лингвистически и междисциплинарно лингвотипологическую закономерность его существования.

Наиболее доказательно феномен грамматического выделения цитируемой речи невидимого говорящего прослеживается на материале самодийских и юкагирских языков, в которых сохранились уникальные в настоящее время для языков Евразии эвиденциальные глагольные граммемы незрительной чувственной засвидетельствованности, указывающие в своих базовых значениях на слуховое восприятие невидимых ситуаций (см.: [Ильина, 2010; 2013]). И самодийские, и юкагирские глагольные формы – носители этих грамем мы по сложившейся в самодистике терминологической традиции обозначаем термином «аудитив», который хорошо отражает их базовые значения. Именно в формах аудитива употреблялись в архаичных текстах самодийского и юкагирского традиционного фольклора речевые глаголы, вводящие цитируемую речь невидимого говорящего и тем самым грамматически маркирующие невидимые речевые акты, осуществляющиеся вне поля зрения их свидетеля и воспринимаемые им только на слух.

В соответствии со сформулированной выше первоочередной задачей мы в этой статье преимущественно опираемся на языковой материал ненецкого традиционного фольклора, который наиболее информативно документирован, хорошо репрезентирован в опубликованных текстах и тем самым, что важно, предоставляет широко доступную для верификации фактологическую базу, позволяющую эмпирически проверить истинность наших выводов другим исследователям. В этой связи мы прежде всего рассматриваем такие фольклорные ситуа-

ции, в контексте которых отчетливо присутствует признак невидимости говорящего. Это ситуации, в которых свидетель, слышащий чужую речь, находится внутри чума, а говорящий находится снаружи, вне чума, и наоборот, ситуации, в которых говорящий находится внутри чума, а свидетель, слышащий речь, находится снаружи. В обоих случаях говорящий невидим для свидетеля и цитируемая речь вводится речевыми глаголами в аудитивной форме.

Примеры ситуаций, в которых *свидетель речи находится внутри чума, а говорящий – снаружи*:

(1) **нен.**

Мякад изелем'. Хасуцяко Аць арка Сэротэтан' **ма=mano=да** (AUD/3Sg):

– Хар'н ян хобан' харбелыв', хантанакэм'.

Някав **ма=mano=да** (AUD/3Sg):

– Хэб'нят хань'. Теда' арман.

Хасуцяко Аць **ма=mano=да** (AUD/3Sg):

– Сидя ю' ёнар' пелямдо' ханагум'.

Арка Сэротэта **ма=mano=да** (AUD/3Sg):

– Хазер' ю' ёнар' ханагун? Мань' сидянь'. Авнада мань' илебцуй'.

‘Я слушаю из чума. Хасуцяко Аць, **слышно, говорит** Старшему Сэротэта:

– Я хочу уехать в свою землю, я уеду.

Старший брат, **слышно, сказал**:

– Если хочешь ехать, уезжай. Теперь ты стал взрослым.

Хасуцяко Аць, **слышно, сказал**:

– Я из двадцати тысяч оленей уведу половину.

Старший Сэротэта, **слышно, сказал**:

– Как ты уведешь десять тысяч? Нас двое. Это наши олени' [ЭПН, с. 217;

229].

В примере (1) представлен фрагмент эпической песни жанра «ярабц» («плач»). В эпосе этого жанра сказитель типично отождествляет себя с главным героем и ведет повествование от первого лица (см.: [Куприянова, 1965, с. 40–41; Терещенко, 1990, с. 27; Пушкарева, 2001, с. 31]). Анализируя пример (1), отметим следующее: а) главный герой, от лица которого ведется повествование, находится внутри чума; б) он является свидетелем, слышащим диалог двух хорошо известных ему людей, распознает их по голосам и дословно воспроизводит сказанное каждым из них; в) эти два непосредственных участника диалога находятся снаружи, около чума и невидимы для свидетеля, воспринимающего их речь исключительно на слух; г) цитируемая речь вводится главным ненецким речевым глаголом с основой **ма=** ‘сказать’ в форме аудитива 3 л. ед. ч.: **маманода**, букв. ‘сказал=слышно=он’ с суффиксом аудитива в варианте **=mano=**, переведенным в (1) русским приблизительным лексическим эквивалентом ‘слышно’.

Аналогичны, в сущности, примеру (1) примеры (2)–(7), взятые из других ненецких фольклорных текстов, отражающих разные диалекты тундренного наречия:

(2) **нен.**

... мякан тюм'. ... Няка'ев пыда **ма=mano=да** (AUD/3Sg):

– Тавысо тэта, пон' нинась тур'. Сидна' вэдомазь товэнню'.

Тавысот тэта, пыда **ма=mano=да** (AUD/3Sg): – Ненэсяда о', Нядана Харюци, пон' нимазь тур', юд' по' нимазь тур'.

‘... я вошел в чум. ... Мой брат (снаружи), **слышно, говорит**: – Оленевод-нганасан, ты давно не приезжал. Ты приехал нас навестить?

Оленевод-нганасан, **слышно, говорит**: – Действительно, Нядана Харюци, я давно не был, десять лет здесь не был' [ЭПН, с. 426; 441].

(3) **нен.**

Немав хая. Пиня сидя хибяри **ланак=во=дь**'(AUD/3Du) . Няби ланана нюдя Сёбя Сэр'. Няби ланана нюдя Сюхуний. Пыди' **ма=мано=ди**'(AUD/3Du): – Нюдя Лидигако понарка' хоны.

‘Я проснулся (в чуме). На улице, **слышно, разговаривают** два человека. Один говорящий – Младший Сюхуний, а другой говорящий – младший Сёбя Сэр. Они, **слышно, говорят**:

– Младший Лидянгако долго спит' [ЭПН, с. 246; 260].

(4) **нен.**

pīnje atsekjh mā=**mañ=do**'(AUD/3Pl): «āni jād müud müüsíeh...».

Draussen die Burschen **hörte man sagen**: «Aus einem anderen Lande die Karawanen gehen...» [C.-L., 1940, p. 264].

‘Снаружи (вне чума) ребята **сказали=слышно**: «Из другой земли аргиши (оленьи обозы) идут...»’.

(5) **нен.**

Хувы юркыкана пихи-пихид няхар" не нюми, пыду' **ма=манон=ду**' (AUD/3Pl): «Тюня' ha"! Ханамд мале подерhава"».

‘Рано утром (букв.: в момент утреннего вставания) с улицы доносятся голоса моих дочерей (букв.: с уличной улицы три моих дочери, они, **слыхать, сказали**): «Вставай (букв.: вверх будь)! Твою нарту мы уже запрягли»' [НЭ, с. 288; 295].

(6) **нен.**

Сэлха haцекэ мяд' ханзовна **хынамза=ванон=да** (AUD/3Sg). Тарем' **ма=монон=да** (AUD/3Sg): «Сэр' я' сюдбя, няби haцекэни ха" мамда хов, вэсы" хадавэдо?...».

‘Светловолосый парень, **слышно, жалобно причитает**, [проходя] по боковой стороне чума. Так, **слыхать, сказал**: «Хозяин Ледяного острова, я нашел место смерти одного моего помощника-работника ...»' [НЭ, с. 60; 71].

(7) **нен.**

... пихий пихина мяд' сиhгана hэ' мун" **то=вон=да** (AUD/3Sg). Ханя hэдакы Евалё-Сусой. Евалё-Сусой пыда тарем' **ма=монон=да** (AUD/3Sg):

– Падроко-Наць, мэсь хонюваха"! Пон' хонын. Тю" уня' ha"! [ФН, с. 234–237].

‘...снаружи звук шагов **пришел=слышно**. Это, должно быть, Евалё-Сусой. Евалё-Сусой он так **сказал=слышно**: – Падроко-Наць, хватит спать. Очень долго спишь. Вставай!’

Обратим внимание, что аудитивной формой речевого глагола **ма=** ‘сказать’ вводится цитируемая чужая речь, как при ее точном дословном воспроизведении – (1), (2), (6), (7), так и при приблизительном пересказе – (3) –(5). Следовательно, признак «дословное / приблизительное цитирование» не является значимым для объяснения употребления аудитивной формы глагола **ма=** ‘сказать’ при введении цитируемой речи.

Отметим также, что если в примерах (1)–(4) слышит и цитирует чужую речь сторонний свидетель, не являющийся адресатом речевого сообщения, то в примерах (5)–(7) свидетелем речи является ее адресат. Следовательно, признак «сторонний свидетель / адресат речи» тоже не является релевантным для объяснения использования аудитивной формы глагола **ма=** ‘сказать’ при введении цитируемой речи.

Поэтому, на наш взгляд, примеры (1)–(7) дают необходимую фактологическую аргументацию для объяснения употребления аудитивной формы глагола

ма= ‘сказать’ при введении цитируемой речи именно как указания на невидимость говорящего и невидимость речевого акта. Этот вывод подтверждается и последующими примерами.

Примеры ситуаций, в которых *свидетель речи находится снаружи, а говорящий – внутри чума*:

(8) **нен.**

...мяд’ хэван’ тэвына’. Ылька тыго мякна **мэ=вано=да** (AUD/3Sg), **ма=mano=да** (AUD/3Sg):

– Амгэ то? Не ацькы, не нюда энакы, **ма=mano=да** (AUD/3Sg): – Тет эдалёда то [ЭПН, с. 715, 728].

‘...К чуму вплотную подъехали. Великан тунгус в чуме **находится=слышно**. Он **сказал=слышно**: «Кто приехал?» Девочка, дочь его, **сказала=слышно**: «Четыре ездока (на легковых нартах) приехали»’.

(9) **нен.**

Не папаков ... мят’ сакада, пыда **ма=mano=да** (AUD/3Sg):

– Небя, тэкэня пармко ади, тарця таяна ягосеты [ЭПН, с. 347, 358].

‘Моя младшая сестренка... юркнула в чум. Она **сказала=слышно**:

– Мама, там черненькое виднеется, а никого нет’.

(10) **нен.**

Ер мякана инзелеб"нани – ябеня **һэ=вон=ду'**(AUD/3Pl). Нябав-Нея, Не-Тасиняһы сёнда һардан **хыно=моно=да** (AUD/3Sg), тарем' **ма=моно=да** (AUD/3Sg):

– Ю"-Тасиняһы, не сарыһэ пирми нида һа". Нули" вэваеда [ФН, с. 298, 299].

‘В среднем чуме слышу: пьяные **находятся=слышно**. Невестка моя, Женщина-Тасиняһы во все горло свое **поет=слышно**. Она так **сказала=слышно**: «Десять-Тасиняһы, вы меня не достойны, очень плохие вы»’.

(11) **нен.**

Мякы мякна һоблери хасава тарем' **ма=моно=да** (AUD/3Sg):

– Сюдбабц’ ню, пин’ вэдеркар, ями терсиси, һамгэ худ то? [Вануйто, Буркова, 2010, с. 335].

‘Чума внутри мужчина так **сказал=слышно**: «Дочь Сюдбабца, наружу выгляни, кто откуда приехал?»’

(12) **нен.**

Мякы мякна ёнэ нинекани вабцри **со=ван=да** (AUD/3Sg)... тарем **ма=моно=да** (AUD/3Sg):

«...самляһ хорха’’ сёндяндэ’ латад толавы юд’’ по’ тальна манэмадавэй» [Вануйто, Буркова, 2010, с. 318–319].

‘В чуме только среднего брата голос **слышится** (букв. **слышен=слышно**). Он так **сказал=слышно**: «Пять оленей без отдыха десять лет могут бежать»’.

В примерах (1)–(12) хорошо отражены высокая звукопроницаемость древнего традиционного жилища самодийцев – конического чума, и почти полная визуальная замкнутость его внутреннего пространства. Данные свойства чума с глубиной древности обуславливали регулярное повседневное речевое общение людей, находящихся вне поля зрения друг друга. По нашему мнению, эта особенность материальной культуры самодийцев (действительная и для ряда других этнических культур Северной Азии) являлась важным экстралингвистическим фактором, детерминировавшим строгое разграничение в самодийских языках ви-

димой и невидимой речи и отчетливое грамматическое выделение невидимых речевых актов.

В нижеследующих примерах (13)–(17) релевантность признака невидимости говорящего и невидимости речевого акта представляется не менее доказательной, чем в примерах (1)–(12), но доказываемая не непосредственными особенностями фольклорных ситуаций, а опосредованно – междисциплинарным объяснением этих ситуаций с учетом данных этнологии и фольклористики. В (13)–(17) цитируется речь сверхъестественных сакральных персонажей, считавшихся в традиционных культурах Северной Азии невидимыми.

(13) **нен.** Контекст. Шаман, камлая, цитирует своего вызванного и прибывшего духа-покровителя (предка-великана), который невидим.

śīḍ(ǎ) b'ēi jirikow(ǎ) ŋāni² taŋem² **mā=monōn=ta** (AUD/3Sg): «śāmt(ǎ)χāḍe xora namna!»

Meinen riesenhaften Grossvater wieder so **hörte man sagen**: «Rauchig gewordener Stier im zweiten Jahr!» [Lehtisalo, 1947, p. 471].

‘Мой великанский предок (букв. дедушка) так **сказал=слышно**: «Дымным ставший олень-самец, бычок-второгодок!»’ (Шаман, цитируя невидимого духа, вероятно, сообщает «непосвященным» участникам камлания о жертве, требуемой духами, и указывает масть, пол и возраст жертвенного оленя).

(14) **нен.**

Хонэюв’, нема си’им талевы. Эван нид об’ ланана **тэбкада=ванон=да** (AUD/3Sg). Пыда **ма=мано=да** (AUD/3Sg):– Нюдя Яригэця, хась пян. Анор тэвы’ [ЭПН, с. 320, 335].

‘Я лег спать и уснул. Над моей головой один говорящий **отчетливо говорит=слышно**. Он **сказал=слышно**:– Младший Яригэця, ты погибаешь. Пришла твоя лодка’.

(15) **нен.**

Ань тас по’ тэвась эван нид об’ ланана **тэбкада=ванон=да** (AUD/3Sg):

– Амгэ ылька тыгот вадаранув’? Пыда хась [ЭПН, с. 380, 394].

‘Через год опять над моей головой один говорящий **отчетливо говорит=слышно**:

– Тебя разве победил чудовище-тунгус? Он умер.’

(16) **нен.**

Нэвакон нид Ноб"-Лаханана **тэбкада=вонон=да** (AUD/3Sg). Пыда тарем’ **ма=монон=да** (AUD/3Sg):– Не, Ева-Не, тю"уня ha! ... Цанор тэвы" [ФН, с. 278, 279].

‘Сверху Один-Говорящий **отчетливо говорит=слышно**. Он так **сказал=слышно**:

– Женщина, Сирота-Женщина, вставай!.. Лодка твоя пришла’.

(17) **нен.**

...вэсаку хонэй". Хонёванта сер' хибяв **лахана=вонон=та** (AUD/3Sg), **ма=монон=та** (AUD/3Sg): – Вэсаков, тюку яхана илебат пон' нин илеһу", хаһгун. [ФНТ, с. 34, 37].

‘...старик лёг спать. Во время сна кто-то **говорит=слышно**. Он **сказал=слышно**:

– Старик, если ты в этом месте будешь жить, долго не проживешь, умрешь’.

Исторически долговременную необходимость регулярного цитирования шаманами и сказителями речи невидимых духов-помощников и невидимых сверхъестественных фольклорных персонажей мы считаем еще одним важным экстралингвистическим этнокультурным фактором, детерминировавшим отчетливое выделение в самодийских языках невидимых речевых актов и их грамматическое маркирование. В данном случае это не материально-культурный, а духовно-культурный фактор. Весьма существенно, что оба рассмотренных экстралингвистических фактора возникли в глубокой древности и действовали в традиционной культуре самодийцев (особенно северных) вплоть до относительно недавнего времени.

В доступном нам в настоящее время фольклорном материале других самодийских языков и юкагирских языков феномен грамматического выделения речи невидимого говорящего представлен значительно менее информативно, чем в ненецком фольклорном материале, и без учета последнего вряд ли мог бы быть доказательно выявлен и объяснен. Например, на документированных срезах селькупского языка аудитив сохранялся только в северных диалектах и употреблялся редко. В опубликованных селькупских текстах примеров употребления аудитива очень мало, а примеры употребления речевых глаголов в аудитивной форме вообще единичны. Такая же ситуация и на документированных срезах юкагирских языков. Поэтому анализ феномена выделения речи невидимого говорящего на материале ненецкого традиционного фольклора выполняет в нашем исследовании поисковую и объяснительную функции, то есть служит опорной базой для выявления и объяснения аналогичного феномена в других самодийских языках, юкагирских языках и поиска его вероятных следов в ряде иных языков Северной Азии.

(18) **нган.**

Муну=муну=чү (AUD/3Sg) : «Тāче кэрытэ'».

‘**Говорит=слышно**: «Оленей погоняй»’ [Терещенко, 1973, с. 146].

(19) **нган.** Контекст. Выйдя наружу, дочь нганасанки к чуму людоедки подошла и стала слушать.

Мада kunsjini sigi'ini'a nūəj nanu hid'iti'. ... nemjɔjɔj **munu=munu=t'u** (AUD/3Sg) ... [Гусев, 2007, с. 420].

‘Внутри чума людоедка со своими детьми смеется. <...> Мать их **говорит=слышно**: <...>.’

(20) **нган.**

Ini'a ... ɲənd'i'ə bəndi. Kuə t'uhəgüənu bəntidə **sojbu=munə'** (AUD/3Sg) d'amuaðu ... [Гусев, 2007, с. 419].

‘Старуха <...> вышла наружу. Через некоторое время снаружи **послышался=слышно** ее голос: ...’

(21) **сельк.**

Куть kos niłçik **çit̚=kunæ** (AUD/3Sg) ... [Прокофьев, 1935, с. 146].

‘Кто-то так **говорит=слышно**: ...’

Приведенные нганасанские (18)–(20) и селькупский (21) фрагментарные примеры употребления речевых глаголов в форме аудитива могут интерпретироваться как выделение невидимых речевых актов только по аналогии с проанализированным ненецким материалом. В специальной статье А. И. Кузнецовой, посвященной речевым актам в селькупском фольклоре, употреблений вводящих речевых глаголов в аудитиве не отмечено [1987]. Но анализ, проведенный

А. И. Кузнецовой, информативен для исследования эволюции рассматриваемого феномена в самодийских языках. В каждом из них прослеживаются процессы лексикализации аудитивных форм речевых глаголов и их замена другими формами с более абстрактной эвиденциальной и модальной семантикой. В селькупском языке эти процессы наблюдаются в завершающей стадии.

Если аудитив самодийских языков – это синтетическая глагольная форма с суффиксальным показателем, то его юкагирский грамматико-семантический аналог – это аналитическая бивербальная конструкция (ББК). В ней носителем лексического значения является инфинитная (близкая к деепричастной) форма на =(л)лӓ, а служебный грамматический компонент **мӓд**=(мӓд=) – показатель аудитива – восходит к основе глагола слухового восприятия **мӓди**=(мӓди=) ‘**быть слышным**’. Например: **мӓлло мӓдиӓ** (AUD/3Sg) ‘**сказал=слышно**’; **иӓӓӓлӓ мӓдиӓ** (AUD/3Sg) ‘**плачет=слышно**’; **јахтӓлӓ мӓдиӓ** (AUD/3Sg) ‘**поет=слышно**’; **ӓриӓлӓ мӓдиӓ** (AUD/3Sg) ‘**кричит=слышно**’; **ӓгӓрлӓ мӓдӓхи** (AUD/3Pl) ‘**ходят=слышно**’; **јаӓӓӓлӓ мӓдӓхи** (AUD/3Pl) ‘**звонят=слышно**’.

(22) **юк.** Контекст. Дух горы похитил девушку. Старшая сестра ищет ее и находит по плачу, звучащему внутри горы.

Паи ибӓлгӓ лӓхаи. Эмдӓги ӓболмолӓт **ибӓлӓлӓ мӓдиӓ** (AUD/3Sg). Паи таа лӓхаи. Иболпин **мӓлло-мӓдиӓ** (AUD/3Sg): «Мӓт эмдӓ кӓик!»

‘Женщина (девушка) к скале пошла. Ее младшей сестры из скалы **плач слышен**. Девушка туда пошла. Скале **сказала**: «Мою младшую сестру дай (обратно)!»’ [Иохельсон, 2005, с. 385]. Мӓлло-мӓдиӓ букв. **сказав=слышна**. Адресат речи находится внутри горы и не видит говорящего.

(23) **юк.**

Пӓбӓги **мӓлло мӓдиӓ** (AUD/3Sg): «ӓмӓ, пон чомӓн Iynӓi, шӓшпӓд-ӓhil тонк». Аниӓӓӓ пӓдӓт мӓдӓм, тӓдӓ пӓбӓ-ӓгӓлӓ мӓдӓм [Иохельсон, 1900, с. 159; 2005, с. 189].

‘Старшая сестра **говоря=слышна**: «Мама, сильно задымило, дверь закрой». Сквернослов снаружи (вне урасы) слышит, слова своей старшей сестры слышит.

Говорящий (старшая сестра) находится внутри жилища (урасы), а свидетель речевого акта – (младший брат) – находится снаружи. Он не видит говорящую и воспринимают ее речь только на слух.

(24) **юк.** Контекст. Шаман, камлая, цитирует предсказание своего духа-помощника, который невидим (устаи шамана вещает вселившийся в него невидимый дух).

(Алма) **јаӓӓ** ӓт **мӓлло мӓдиӓ** (AUD/3Sg): «Opӓlӓ tin ӓnmunlahin ӓgӓӓhitӓi, tӓhpugӓ agӓrpӓhitӓi» [Иохельсон, 1900, с. 99; 2005, с. 130].

‘(Шаман), камлая, **говоря-слышен**: «Позже этим местом на Колыму кочевать будут, мучиться будут».

Подчеркнем, что и в самодийских, и в юкагирских языках речевые глаголы, вводящие цитируемую речь, не оформлялись показателями аудитива, если говорящий был отчетливо видим свидетелем. В таких случаях и при цитировании говорящим собственной речи употреблялись не аудитивные, а индикативные формы речевых глаголов.

В заключение отметим, что рассмотренный феномен грамматического выделения речи невидимого говорящего имеет, по нашему мнению, многоуровневую экстралингвистическую и внутривербальную детерминацию. Наиболее глубинным экстралингвистическим детерминантом представляется существенное реальное отличие невидимого речевого акта – нецелостного, представленного только

звучащей вербально-интонационной речью – от видимого «канонического» (Б. А. Успенский) целостного речевого акта, представленного не только звучащей, но и кинетической речью. Важно, что роль последней нарастает в исторической ретроспективе и в традиционных культурах древнего происхождения была более значимой, чем в современных культурах. Воздействие этого универсального и панхронического детерминанта на конкретные языки не однозначно каузальное, а вероятно обуславливающее и по-разному проявляется в различных языках. В языках Северной Азии оно преломляется влиянием специфических этнокультурных (материально-культурных и духовно-культурных) факторов, порождающих и поддерживающих древнюю ментальную оппозицию видимого / невидимого, и особенно влиянием специфических внутривидовых факторов, реализующих эту фундаментальную ментальную оппозицию в конкретных североазиатских языках.

В контексте внутривидовой детерминации феномен грамматического выделения речи невидимого говорящего, выявленный в автохтонных для Северной Азии самодийских и юкагирских языках, мы объясняем на данном этапе исследования как одну из наиболее существенных реализаций сохранившейся в архаичных фольклорных текстах этих языков древней оппозиции сенсорных эвиденциальных граммем. Эти взаимно противопоставленные глагольные грамемы в своих базовых значениях указывали на зрительное либо незрительное чувственное восприятие отчетливо видимых либо невидимых реальных ситуаций. Аудитивные формы глагола – носители граммем незрительной чувственной засвидетельствованности и в самодийских, и в юкагирских языках в своих базовых значениях грамматически выделяли невидимые реальные ситуации (действия, состояния, события), распознаваемые по их акустическим признакам, то есть посредством слухового восприятия. Речь, речевой акт суть разновидности реального действия. Поэтому логичным и закономерным представляется, что невидимая речь, воспринимаемая исключительно на слух, как и любое другое невидимое действие, распознаваемое посредством слухового восприятия, грамматически выделялось глаголами в аудитивной форме.

Текстовые источники

Вануйто Э. Б., Вануйто В. М., Буркова С. И. Няхар''Хэхо'' то'' Вэра'' (Вэра Трех Священных озер) (текст на тазовском говоре тундрового диалекта ненецкого языка) // Материалы III Междунар. науч. конф. по самодистике. Новосибирск, 2010. С. 292–353.

Иохельсон В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. СПб., 1900.

Иохельсон В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Якутск, 2005.

НЭ – Терещенко Н. М. Ненецкий эпос. Материалы и исследования по самодийским языкам. Л., 1990.

ФН – Фольклор ненцев. Новосибирск, 2001.

ФНТ – Фольклор народов Таймыра. Дудинка, 1992. Вып. 2.

ЭПН – Куприянова З. Н. Эпические песни ненцев. М., 1965.

C.-L. – Casten M. A., Lehtisalo T. Samojedische Volksdichtung. Helsinki, 1940.

Lehtisalo T. Juraksamojedische Volksdichtung. Helsinki, 1947.

Литература

Гусев В. Ю. Эвиденциальность в нганасанском языке // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб., 2007. С. 415–444.

Ильина Л. А. Самодийская глагольная граммема аудитива и ее юкагирский аналог // Материалы III Междунар. науч. конф. по самодистике. Новосибирск, 2010. С. 99–106.

Ильина Л. А. Базовое значение и традиционные коммуникативные функции граммем незрительной чувственной засвидетельствованности в самодийских и юкагирских языках // Языки и фольклор коренных народов Сибири. Новосибирск, 2013. С. 71–77.

Иохельсон В. И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы. Новосибирск, 2005.

Люблинская М. Д., Мальчуков А. Л. Эвиденциальность в ненецком языке // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб., 2007. С. 445–468.

Кузнецова А. И. Речевые акты в сказках тазовских селькупов // Строй самодийских и енисейских языков. Томск, 1978. С. 31–39.

Куприянова З. Н. Введение // Эпические песни ненцев. М., 1965. С. 7–56.

Прокофьев Г. Н. Селькупская грамматика. Л., 1935.

Пушкарева Е. Т. Специфика жанров фольклора ненцев и их исполнительские традиции // Фольклор ненцев. Новосибирск, 2001. С. 23–49.

Терещенко Н. М. Введение // Ненецкий эпос. Материалы и исследования по самодийским языкам. Л., 1990. С. 5–42.

Терещенко Н. М. Синтаксис самодийских языков. Л., 1973.

Künnap A. On the Enets Evidentials Suffixes // *Linguistica Uralica*. Tallinn, 2002. № 2. P. 145–153.

Принятые сокращения

Языки: **нен.** – ненецкий; **нган.** – нганасанский; **сельк.** – селькупский; **юк.** – юкагирский.